

Munich Personal RePEc Archive

**Cluster strategy and cluster initiatives:
prospects and factors of effective
clustering**

Filippova, Irina and Mindlin, Yuri

Vladimir Dahl East-Ukrainian National University, Moscow State
Industrial University

19 July 2013

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/52765/>

MPRA Paper No. 52765, posted 08 Jan 2014 08:54 UTC

Филиппова И.Г., _____

КЛАСТЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ И КЛАСТЕРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОЙ КЛАСТЕРИЗАЦИИ

В статье изучается влияние кластеров на социальное окружение и влияние институциональных факторов на процессы формирования и развития кластеров. Авторы исходят из очевидных предположений, что базовым условием успешной кластеризации является развитие предпринимательства, а ожидаемым результатом, т.е. целью кластерных инициатив – рост конкурентоспособности субъектов кластера.

Для выявления основных факторов, определяющих конкурентоспособность и потенциал развития предпринимательства, в статье строятся экономико-статистические модели с использованием данных международных исследовательских организаций. Это позволяет не только обосновать тезис о доминирующем влиянии социальных факторов, но и выявить имплицитное противоречие социального и экономического аспектов предпринимательства, способное стать причиной снижения конкурентоспособности кластера.

Полученные модели позволяют утверждать, что ключевым фактором эффективности кластерных инициатив является социальный капитал, отсюда негативное влияние кластера на социальное окружение неизбежно оборачивается снижением его конкурентоспособности в дальнейшем. Социальный капитал рассматривается как капитал отношений, обеспечивающий определенный уровень социальной интеграции, и непосредственно зависящий от уровня социальной ответственности субъектов отношений. Отсюда вытекает, что социальная ответственность власти и бизнеса определяет перспективы кластеризации посредством влияния на ключевые факторы эффективности этого процесса.

Ключевые слова: кластер, предпринимательство, социальный капитал, инновации, социальная ответственность, кластерные инициативы, социальный контроль, социальная эластичность бизнеса

CLUSTER STRATEGY AND CLUSTER INITIATIVES: PROSPECTS AND FACTORS OF EFFECTIVE CLUSTERING

The article investigates the impact of clusters on the social environment and the impact of institutional factors on the formation and development of clusters. The authors proceed from the obvious assumption that the basic prerequisite for successful clustering is the development of entrepreneurship, and the expected result (i.e. the purpose of cluster initiatives) is the growth in cluster's competitiveness.

In this paper a number of economic-statistical models were constructed using the data of international research organizations to identify the main factors influencing the competitiveness and

the potential of entrepreneurship's development. It allows not only to substantiate the thesis about the dominant influence of social factors but also to reveal the implicit contradiction between the social and economic aspects of entrepreneurship able to cause a reduction in the competitiveness of the cluster.

Obtained models permit to assert that social capital is the key factor for the effectiveness of cluster initiatives, therefore the negative impact of the cluster on the social environment leads inevitably to decline in its competitiveness in the future. Social capital is considered as the capital of relations which provides a certain level of social integration and directly depends on the level of social responsibility of subjects of relations. This implies that the level of social responsibility of business and government determines the prospects of clustering by influencing the key factors of the efficiency of this process.

Keywords: cluster, entrepreneurship, social capital, innovation, social responsibility, cluster initiatives, social control, social flexibility of business

Формулировка проблемы

В рамках либеральной доктрины при изучении экономических процессов или явлений социальные факторы не рассматриваются как достаточно значимые, чтобы включать их в сферу анализа. Однако подобное упрощение предметной области исследования зачастую становится причиной некорректных выводов. В частности, декларируемой целью кластерных инициатив является рост конкурентоспособности отраслевых или региональных производственных систем [1, 2]; однако, во-первых, конкурентоспособность товаропроизводителей не тождественна благосостоянию населения, несмотря на наличие безусловной связи между ними. Во-вторых, конкуренция, по своей сути, сегодня вырождается в откровенную борьбу за власть, а конкурентоспособность оборачивается монополизацией рынка. Даже концепция корпоративной социальной ответственности (SA 8000, ISO 26000) ориентирована, вопреки названию, не на социальные аспекты функционирования корпораций, а на повышение устойчивости их рыночных позиций.

Рассматривая эффективность не с субъективных позиций получателей прибыли, а с точки зрения всех затрат, которые несут субъекты социальной системы [3], мы приходим к выводу, что существующие подходы к ее оценке

страдают односторонностью, недоучетом массовых «издержек» наемных работников и общества в целом.

Далее, относительно нашей темы следует отметить, что факт существования ряда «удачных» кластеров не является достоверным научным доказательством того, что кластеризация является необходимым и достаточным условием экономического развития любого региона или отрасли. Аналогичным образом можно, обследовав несколько человек и обнаружив у них отменное здоровье, сделать заключение, что любой человек по определению здоров.

Бездоказательное навязывание подобных гипотез ведет к софистическим выводам, поскольку далеко не все аспекты кластеризации на сегодня достаточно изучены, и не все последствия учтены. По выражению экономических географов Р. Мартина и П. Санли в отношении «модных» идей М. Портера о кластерах, «сам факт популярности конструкта отнюдь не является гарантией его глубины»¹ [4, С. 4].

При всем многообразии и обилии научных публикаций о кластерных стратегиях и инициативах, остается открытым вопрос о влиянии кластеров на социальную среду, в которой они развиваются, и о том, является ли кластер вообще социально эффективным образованием, или же чисто экономической конструкцией вне социального контекста. Отдельного внимания заслуживают такие аспекты кластеризации, как проблема экономической власти, способности диктовать цены и лоббировать «нужные» законопроекты, а также аспект влияния государства на кластеры как элементы структуры национальной экономики.

¹ «But the mere popularity of a construct is by no means a guarantee of its profundity»

Цель и методы

Основная гипотеза, рассматриваемая в статье, заключается в том, что перспективы кластеризации изначально ограничены уровнем социальной ответственности государства и бизнеса. Власть и социальная ответственность – две стороны одной медали, независимо от того, идет ли речь о рыночной власти, или о государственном управлении. Авторы намерены показать, что социальные факторы играют ключевую роль в достижении устойчивой конкурентоспособности, которая является декларируемой целью кластерных инициатив. Однако в этом случае кластерные стратегии и кластерные инициативы должны иметь, в первую очередь, социальную ориентацию, что противоречит самой природе предпринимательства.

Специфика предметной области нашего анализа заключается в двойственной (социально-экономической) природе кластера. Как объединение субъектов он представляет собой социальный феномен, а по своим функциям он является экономической системой. С одной стороны, цели кластеризации носят чисто экономический характер, и эффективность кластерных образований оценивается в системе критериев, адекватных целям (т.е. экономическим). С другой стороны, процессы функционирования кластера не имеют чисто экономического характера, а их социальная составляющая определяет сам факт существования и устойчивости кластера. Однако при этом отсутствует четкий формализованный механизм согласования экономических и социальных аспектов функционирования подобных агрегатов.

Далее, инкорпорация кластера в социальную и экономическую структуру общества представляет собой сложный процесс двусторонней деформации², а при допущении безусловного доминирования интересов предпринимательского сектора эта деформация приобретает односторонний характер. Поскольку кластер является открытой системой, находящейся в постоянном взаимодействии с внешним окружением, его негативное влияние на среду его существования может стать фатальным для самого кластера.

Таким образом, целью мы ставим изучение влияния кластеров на социальное окружение и влияние институциональных факторов на процессы формирования и развития кластеров.

Механизм согласования экономических и социальных аспектов кластеризации мы видим в нормативном оформлении принципа социальной ответственности и институционализации социального контроля.

Для обоснования выдвинутой гипотезы в статье, помимо абстрактно-логического метода, используются экономико-статистические методы исследования. Информационной базой служат результаты, полученные другими авторами, а так же данные международных исследовательских организаций: The World Bank, The Legatum Institute, UNDP, The World Justice Project, The World Economic Forum, KOF Swiss Economic Institute. Для выполнения расчетов и построения моделей использован инструментальный аппарат (статистические функции) Microsoft Excel.

² здесь о диффузии вести речь не приходится, поскольку ни одна искусственно созданная система не способна к органичному слиянию со своим окружением, особенно в случае социального окружения. Мы не будем останавливаться подробно на этом тезисе, хотя допускаем существование противоположной точки зрения

Анализ исследований и публикаций по теме

Большая часть публикаций по данной проблематике рассматривает кластеризацию исключительно в позитивном ракурсе, игнорируя ее возможные негативные последствия. Однако Х. Надви и С. Баррьентосу, изучая влияние кластеров на уровень бедности, отмечают тот факт, что конфликты между конкурирующими интересами крупных и мелких фирм становятся более очевидными, и есть явные признаки того, что отдельные категории работников, особенно женщины и неквалифицированные рабочие, нередко проигрывают в результате кластеризации [5]. Определяя «узловые точки бедности» в пределах кластерных образований, авторы предлагают предварительно идентифицировать кластеры с наиболее высоким уровнем бедности и разрабатывать кластерные инициативы с учетом прогнозируемого роста доходов беднейшего населения.

Представляется, что сам факт констатации «здоровья» того или иного кластера является результатом его изучения вне социального контекста. Нетрудно предположить, что узкая профессиональная специализация наемных работников в пределах кластера исключает из «сферы благополучия» (если даже таковое наблюдается) тех работников, которые имеют «неподходящую» квалификацию. Однако если эти «изгои» кластера имеют сильные социальные связи в его пространственных пределах, то подобное «экономическое» исключение влечет исключение социальное, т.е. разрыв связей. Когда соображения экономической целесообразности игнорируют социальную реальность, это создает реальную угрозу превращения общества в совокупность непрерывно мигрирующих вслед за капиталом разрозненных индивидов, не имеющих устойчивых социальных связей.

Далее, несмотря на наличие исследований в этой области, остаются открытыми вопросы влияния кластеризации на уровень социальной (классовой) мобильности наемных работников, а так же их географической и отраслевой мобильности. Прямую связь между уровнем развития профессионального образования и мобильностью рабочих [8, С. 63] обнаружил еще А. Маршалл при исследовании «индустриальных поясов»³ Америки [7, С. 358–359].

В более позднем исследовании связи между кластеризацией и мобильностью рабочей силы в высокотехнологичной⁴ отрасли США [6] речь идет о «гладком» функционировании рынка труда и циркуляции знаний, хотя выявленные тенденции большей мобильности внутри кластеров скорее отражают их специфику. Насколько можно распространить результаты исследования [6] на другие типы индустриальных кластеров остается под вопросом, поскольку мобильность рабочей силы во многом определяется специфичностью навыков и знаний и возможностью их применения в других сферах, будь это кластерные образования или отдельно действующие фирмы.

При этом в отчете Европейского фонда по улучшению условий жизни и труда [9] отмечается, что в сравнении с западными странами, на постсоветском пространстве классовая мобильность, о которой писал А. Маршалл, значительно выше, причем в основном это «движение вниз». Учитывая пока еще высокий уровень образования населения в странах бывшего СССР, а также утверждение М. Дж. Энрайта [10], что кластеры есть везде, в любом географическом регионе и любой отрасли, можно сделать вывод, что не столько кластеризация определяет классовую мобильность, сколько внешние и внутренние институциональные факторы.

В Латинской Америке, Африке и Азии в трудоемких отраслях неформальной экономики существуют многочисленные «кластеры» на ранних

³ фортепианного производства в Бостоне, железнодорожного в Питтсбурге и стекольного в Бирмингеме, Пенсильвания

⁴ производство программного обеспечения

стадиях индустриализации, занятость в которых является единственным источником доходов для работающих бедных. Например, в кластере авто-ремонта в Кумаси (Гана) зарегистрировано более 5000 предприятий с общей численностью работников около 40 тыс. человек. Несмотря на рост кластера, он остается в пределах неформальной экономики с преимущественным использованием дешевого труда членов семьи и подмастерьев [11, С. 37]. Аналогичные кластеры в Кении представляют собой совокупность микро-предприятий (со средним числом работников 2 человека и простейшими технологиями), причем многие из них являются неофициальными [12].

Таким образом, положительное влияние кластеризации на уровень занятости не означает автоматического роста социальной мобильности, доходов работающих и снижения уровня бедности.

В отчете Европейского экономического сообщества [13] делается попытка идентификации региональных кластеров в ряде европейских стран (табл. 1).

Таблица 1

Количество кластеров в странах ЕС и доли дохода верхней и нижней децильных групп населения

	Количество выявленных кластеров	Доля дохода, %	
		10% самых богатых	10% самых бедных
Австрия	16 индустриальных	23,05	3,34
Дания	13 региональных и 16 национальных	21,28	2,62
Финляндия	9 ключевых национальных	22,57	4,02
Франция	144 существующих локальных производственных систем и 82 развивающихся	25,09	2,75
Италия	199 промышленных округов (в 1991 г.)	26,8	2,3
Нидерланды	12 крупных промышленных объединений	22,9	2,49
Норвегия	55 в обрабатывающей промышленности, всего 62	23,38	3,86
Португалия	33 региональных кластера	29,84	1,99
Испания	142 местные производственные системы	26,61	2,57
Великобритания	154 (потенциальных) региональных кластера	28,49	2,06
Коэффициент парной корреляции с числом выявленных кластеров		0,551818	-0,44331

Если, опираясь на данные Мирового банка [14], оценить степень имущественного неравенства в этих странах (см. табл. 1), то отрицательное значение коэффициента парной корреляции между числом выявленных кластеров и долей дохода 10% самого бедного населения наводит на размышления о социальной эффективности кластерных инициатив. Безусловно, на основании этих данных нельзя делать какие-либо окончательные заключения, однако вкупе с результатами исследования [5] они позволяют выявить такие недостаточно изученные аспекты кластеризации, как имущественное неравенство и бедность.

Критическое отношение Б. Главана к кластерным инициативам как решению проблемы «провалов рынка» [15] базируется на долгой и печальной истории правительственных интервенций, при этом «координационная» модель объявляется несостоятельной и внутренне противоречивой. Однако убежденность автора в состоятельности самого рыночного механизма, на наш взгляд, является также избыточно оптимистичной.

Что касается сущности этого концепта, то в большинстве публикаций определение кластера представляет собой дублирование одной и той же нечеткой дефиниции, применяемой в отношении любых образований независимо от уровня их технологического развития и влияния на социальное окружение. Однако А. Малберг, О. Солвелл и И. Зандер, выделяя четыре типа агломерации предприятий, подчеркивают, тем самым, обязательность не только технологической связности кластера, но и его инновационного характера⁵ [16].

М. Дж. Энрайт в качестве критерия кластеризации выводит на передний план «критическую массу» ключевых компетенций [17].

«Тройная спираль» как наиболее перспективная модель кластеризации [18, 19] находит эмпирическое подтверждение в таких примерах, как Научно-

⁵ В этом смысле ИТ-кластеры в Силиконовой Долине и Бангалоре являются примерами технологически инновационных, а кластеры модельеров и дизайнеров в Париже и Мумбаи относятся к категории творческих.

исследовательский парк Китакою, сотрудничество между Mitsubishi Heavy Industries и университетом Нагасаки в вопросах гелиоэнергетики, а так же между Fuji Electric Systems и университетом Кумамото в ветроэнергетике. Однако обязательным условием такой модели развития, на наш взгляд, является преодоление отчуждения науки от власти и бизнеса. Помимо государственных субсидий, в формировании и развитии инновационных кластеров существенная роль принадлежит R&D-центрам промышленных структур (Силиконовая долина, Singapore Science Park, Symbian Limited, Mitsubishi Heavy Industries, Лаборатория ThinkPad китайской компании Lenovo и т.д.).

Из этого вытекает, что идентификация кластера должна базироваться не на традиционных «4К», а на инновационном или творческом характере процессов, инициируемых в результате кластеризации. Сегодня уже нет смысла говорить о кластере, если синергетический эффект не будет выражаться ростом числа инновационных проектов в отрасли или регионе. Что касается «4К» кластеризации, то обычная кооперация, наличие более-менее устойчивых хозяйственных связей не могут рассматриваться как признаки кластера, тем более – конкуренция, которая является атрибутом рынка, а не кластера. Концентрация также не является безоговорочным признаком кластера, а конкурентоспособность – только если это результат агрегирования инновационного потенциала участников кластера.

Результаты

Итак, что касается содержания понятия «кластер», в первую очередь, он характеризуется наличием эмерджентных свойств, присущих ему как системе, и не наблюдаемых у отдельно взятых субъектов кластерной интеграции – свойств, обеспечивающих инновационный характер его развития. В качестве

единственного легитимного признака конкурентоспособности следует полагать инновации, поскольку в противном случае можно вести речь лишь о рыночной власти, т.е. полном антиподе конкурентоспособности.

С этой точки зрения процессы кластеризации должны сопровождаться количественным и качественным ростом объема R&D (исследований и разработок) и снижением ресурсоемкости (энергоемкости) продукции, что есть вполне наблюдаемые и регистрируемые параметры.

Воспользуемся данными Мирового банка [14] о динамике доли расходов на R&D в ВВП, энергоемкости продукции и числом исследователей, занятых в R&D, в расчете на 1 млн. населения. Группируя страны по положительным и отрицательным значениям прироста этих показателей и регионам мира, получаем число стран в каждой группе (рис. 1, 2 и 3).

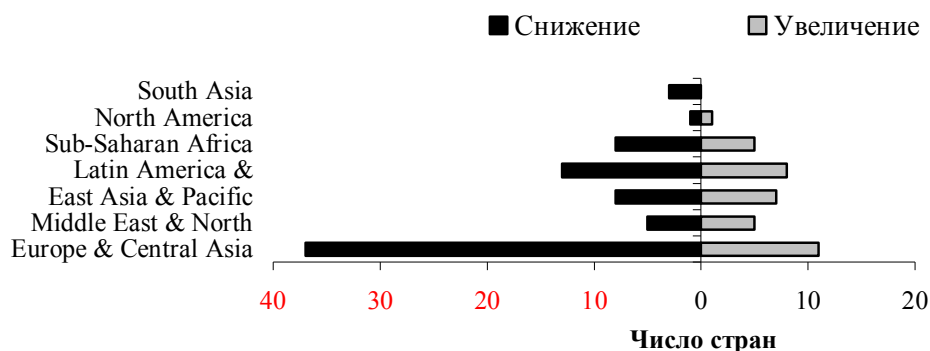

Рис. 1. Число стран по регионам мира, в которых наблюдается снижение или рост доли расходов на R&D в ВВП

Преобладание положительной динамики относится только к последнему показателю, причем только в странах Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна. Несмотря на «бум кластеризации», из 165 стран выборки подавляющее большинство (111 стран) демонстрирует негативную динамику энергоемкости, а в 75 из 112 стран выборки наблюдается снижение доли расходов на R&D (рис. 4).

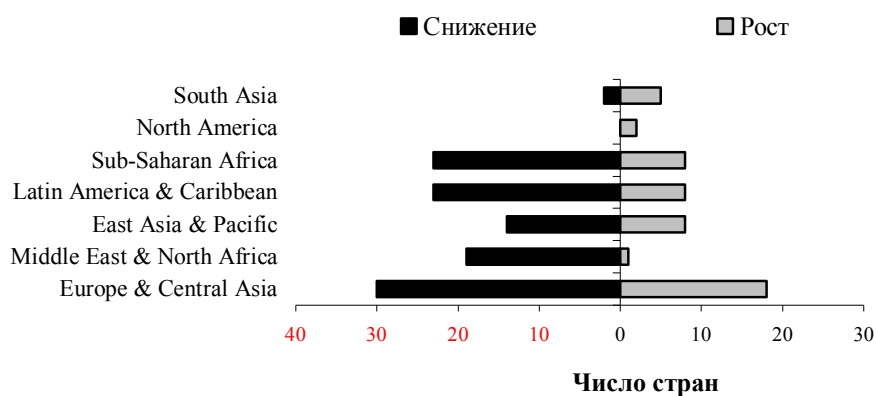

Рис. 2. Число стран по регионам мира, в которых наблюдается снижение или рост ВВП на единицу используемой энергии

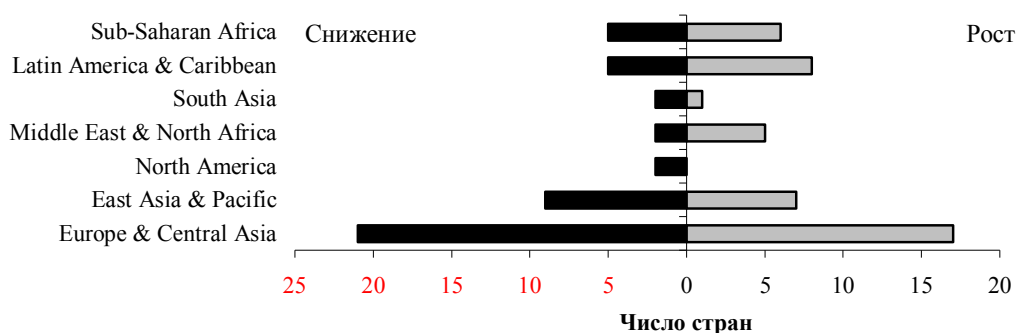

Рис. 3. Число стран по регионам мира, в которых наблюдается снижение или рост численности исследователей, занятых в R&D, в расчете на 1 млн. населения

Безусловно, негативную динамику энергоемкости можно было бы объяснить ростом непроизводственного (бытового) потребления энергии, а снижение доли расходов на R&D в ВВП – опережающими темпами роста последнего, хотя подобные аргументы не представляются убедительными, поскольку в странах с высоким уровнем дохода как ВВП, так и потребление электроэнергии на душу населения сокращается [14].

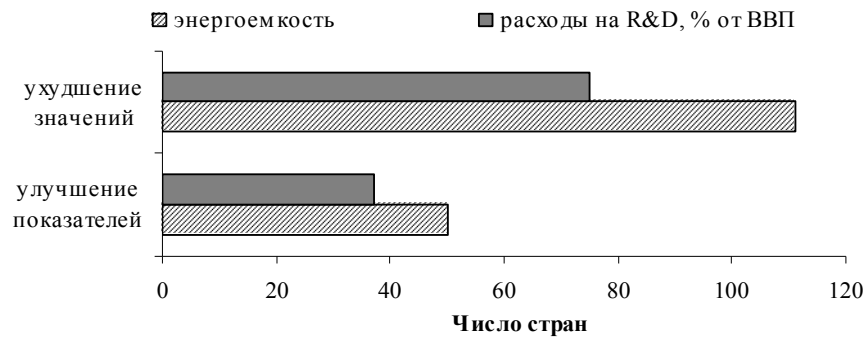

Рис. 4. Число стран с негативной и позитивной динамикой показателей энергоёмкости и доли расходов на R&D

Итак, экономическая ориентация кластерных инициатив подразумевает переход к высокотехнологичным и наукоемким производствам. Представляется достаточно очевидным, что формирование и развитие подобных кластеров должно, в первую очередь, зависеть от того, насколько благоприятной является для предпринимательства система налогообложения, законодательство и другие институциональные факторы.

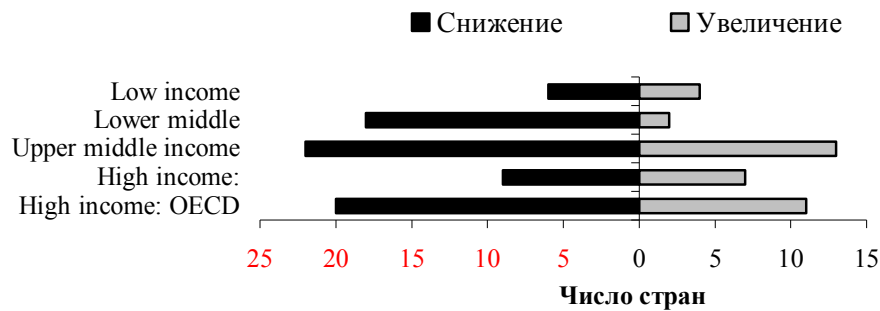

Рис. 5. Число стран по уровню дохода, в которых наблюдается снижение или рост доли расходов на R&D в ВВП

Следующее уравнение регрессии (1) со статистически значимыми коэффициентами при $\alpha = 0.01$ ⁶ и коэффициентом детерминации $R^2 = 0.928$

⁶ коэффициент при показателе *HiTech* является статистически значимым при $\alpha = 0.04$

характеризует силу влияния различных факторов на условия развития предпринимательства [20]:

$$EO = 0.012 \cdot HiTEx + 0.198 \cdot SC + 7.613 \cdot IHDI - 3.879, \quad (1)$$

где EO – возможности предпринимательства [20]; $HiTEx$ – доля высокотехнологичного экспорта в экспорте продукции перерабатывающей промышленности [14]; SC – социальный капитал [20]; $IHDI$ – индекс развития человеческого потенциала с учетом неравенства [21].

Отметим, что влияние индекса человеческого развития многократно превосходит силу влияния остальных факторов модели, что подтверждается и в дальнейшем. Поскольку в модели (1) используется ИРЧП, скорректированный с учетом неравенства, последнее, таким образом, также учтено в модели (1). Иными словами, неравенство, очевидно, оказывает негативное влияние на условия развития предпринимательства, которое само по себе ведет к усилению неравенства. И это не парадокс, а имплицитно присущее этому фактору производства внутреннее противоречие, связанное с процессом накопления капитала. Не следует недооценивать институциональную природу этого противоречия и его последствия, поскольку усиление рыночных позиций действующих субъектов рынка неизбежно ухудшают возможности потенциальных участников, т.е. условия развития предпринимательства. При этом речь идет не только о рыночных барьерах, а так же о законодательных ограничениях, которые лоббируются крупными игроками для защиты своих рыночных привилегий. В этом смысле кластер может рассматриваться как «клуб действующих игроков», обеспечивающий защиту их привилегий.

С другой стороны, модель (2) со статистически значимыми коэффициентами при $\alpha = 0.02$ и коэффициентом детерминации $R^2 = 0.66$ дает также весьма интересные результаты:

$$EO = 5.728 \cdot HDI + 0.57 \cdot SC - 2.849 \cdot LP - 1.85 \cdot C_{crime}, \quad (2)$$

где HDI – индекс развития человеческого потенциала [22]; LP – защита прав наемных работников [23]; C_{crime} – уровень контроля преступности [23].

Согласно модели, защита прав наемных работников и контроль уровня преступности (данные World Justice Project) оказывают сдерживающее влияние на развитие предпринимательства. Это заставляет еще раз задуматься о социальной природе этого феномена (уровне социальной ответственности бизнеса) прежде, чем оказывать всестороннюю поддержку его развитию.

К сожалению, на данный момент система оценки уровня социальной ответственности власти и бизнеса не имеет практического воплощения, хотя в этом направлении и существуют теоретические разработки [24, 25, 26].

Итак, одной из важнейших предпосылок кластеризации является наличие условий для развития предпринимательства. С другой стороны, кластеризация, по определению, создает конкурентное преимущество. С этой точки зрения представляет интерес индекс глобальной конкурентоспособности Мирового экономического форума [27] и факторы, оказывающие наиболее сильное влияние на этот индикатор. Некоторые из этих влияющих факторов представлены в модели (3) со статистически значимыми коэффициентами при $\alpha = 0.01$ ⁷ и коэффициентом детерминации $R^2 = 0.89$:

$$GCI = -0.04 \cdot PF + 0.15 \cdot Ec + 0.06 \cdot Ed + 0.09 \cdot Gov + 4.18, \quad (3)$$

где GCI – индекс глобальной конкурентоспособности [27]; PF – уровень личной свободы [20]; Ec – индекс экономического благополучия [20]; Ed – индекс качества системы образования [20]; Gov – индекс благополучия в сфере государственного управления [20]. В этой модели совершенно логичным

⁷ за исключением коэффициента при PF , который является статистически значимым при $\alpha = 0.03$

представляется доминирующее влияние индекса экономического благополучия, хотя, скорее всего, последнее является следствием конкурентоспособности в не меньшей степени, чем его причиной. Однако отрицательное влияние индекса личных свобод наводит на размышления о том, какой социальной ценой достигается конкурентоспособность в современной экономике.

Оценить влияние процессов глобализации⁸ и социального капитала на индекс глобальной конкурентоспособности GCI позволяет модель (4), где коэффициенты статистически значимы при $\alpha = 0.01$ ⁹, а $R^2 = 0.71$:

$$GCI = 0.127 \cdot SC + 0.006 \cdot PG + 0.014 \cdot SG + 2.974, \quad (4)$$

где SC – индекс социального капитала [20]; PG – индекс политической глобализации [28]; SG – индекс социальной глобализации [28]. Обратим внимание на силу влияния социальных факторов в модели (индексов социального капитала и социальной глобализации).

В модели (5) со статистически значимыми коэффициентами при $\alpha = 0.05$ и коэффициентом детерминации $R^2 = 0.9$ мы опять сталкиваемся с отрицательным влиянием институциональных факторов, теперь уже на индекс глобальной конкурентоспособности GCI [27]:

$$GCI = 0.17 \cdot Ec + 0.06 \cdot Ed + 0.2 \cdot Gov - 0.03 \cdot PF - 0.47 \cdot LP + 4.50, \quad (5)$$

где Ec – индекс экономического благополучия [20]; Ed – индекс качества системы образования [20]; Gov – индекс благополучия в сфере государственного управления [20]; PF – уровень личной свободы [20]; LP – защита прав наемных работников [23].

⁸ здесь подразумевается степень участия стран в международных отношениях

⁹ коэффициент при PG является статистически значимым при $\alpha = 0.02$

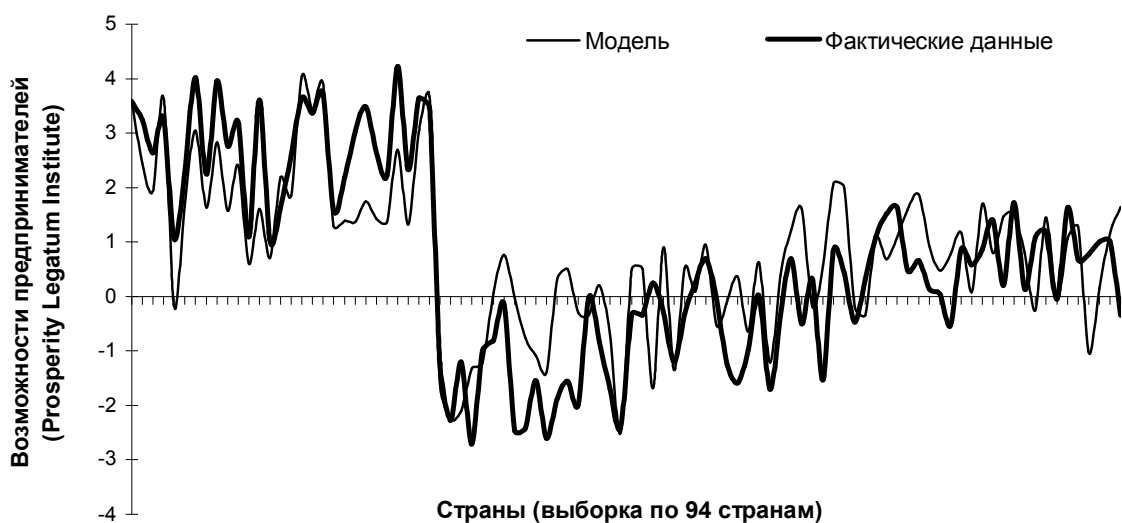

Рис. 6. Сопоставление модели (5) с фактическими данными

Защита прав наемных работников, как и в модели (2), и личные свободы, как и в модели (3), отрицательно влияют на индекс глобальной конкурентоспособности, причем если влияние личных свобод относительно слабое, то защита прав наемных работников является наиболее сильным фактором модели, причем фактором, оказывающим негативное влияние. Получается, что ценой конкурентоспособности является бесправие и полная незащищенность трудящихся. Здесь, на наш взгляд, проявляется объективное противоречие общественного способа производства¹⁰, т.е. противоречие между уровнем развития производительных сил и существующими производственными отношениями. Если полагать конкурентоспособность главной целью кластерных стратегий и инициатив, то вывод напрашивается сам собой: самым результативным будет рабовладельческий строй. Однако как быть с новациями? О каком социальном капитале в этом случае идет речь?

Очевидно, острота этого противоречия обратно пропорциональна потенциалу «социальной эластичности» бизнеса в рамках кластеров, включающих небольшие предприятия. Под социальной эластичностью бизнеса

¹⁰ описанное еще К. Марксом

здесь мы понимаем его способность гибко адаптироваться к социальной среде его функционирования. Иными словами, бизнес является социально эластичным, если он не деформирует окружающую социальную среду в соответствии со своими целями, а органически диффундирует с нею. Это возможно за счет сети социальных отношений между владельцами мелких предприятий и жителями региона, в котором функционирует кластер (по итальянской модели индустриальных районов [29–31]). Наиболее жесткие противоречия рынка труда сглаживаются в таких системах в результате устойчивых социальных взаимодействий, регулирующих трудовые отношения гораздо более эффективно, чем жесткая «невидимая рука».

Статистически доказанное [33] влияние эффективности государственного управления на индекс глобальной конкурентоспособности и производительность общественного труда дает основание утверждать, что эффективность кластерных инициатив во многом определяется социальной ответственностью власти, которая может быть оценена такими индикаторами, как индекс восприятия коррупции Transparency International, Worldwide Governance Indicators Мирового банка, индекс демократии The Economist Intelligence Unit, индикаторы уровня законности The World Justice Project [23], индексы процветания The Legatum Institute [20] и др.

Таким образом, необходимым условием эффективности кластерных инициатив является социальная ответственность государства [25, 26, 33] и бизнеса [24]; в противном случае сама идея кластеризации превращается в идею власти; либо власти над кластером, либо власти кластера над социальным окружением. В этом случае даже положительные экстерналии кластеризации, описываемые различными авторами [34], выглядят неубедительно, поскольку последствия будут иметь социальный (всеобщий) характер, а экстерналии – экономический, т.е. локализованный в рамках узкой группы заинтересованных лиц. Если даже кластеризация позволит снизить издержки, цены и приведет к

увеличению занятости, то ценой этих экономических эффектов будет социальный риск усиления влияния персонифицированного капитала на общество.

Социальный капитал, являясь, по своей сущности, капиталом отношений¹¹ и определяемый уровнем социальной ответственности субъектов отношений, представляет собой мощнейший фактор развития кластера, и в определенном смысле – обязательное условие его устойчивости к внешним возмущениям.

При отсутствии последнего кластеры могут приобретать признаки клановых группировок, особенно в развивающихся странах. Учитывая масштабы слияния политической и экономической власти в современном обществе, подобные образования могут оказать существенное влияние на социально-экономические процессы внутри страны, причем вероятно, не в лучшую сторону.

Итак, кластер существует и функционирует не в чисто экономическом пространстве, а в некоторой социальной среде с соответствующей системой институтов, среди которых отдельный интерес представляет институт государственной власти. Эта среда и кластер, безусловно, вступают во взаимодействие, которое не всегда приводит к обоюдной выгоде сторон. Чаще всего в этом процессе одна из сторон, которая оказалась «слабее», несет определенные потери, поскольку социальная ответственность государства и бизнеса остаются для большинства стран мирового сообщества достаточно утопичным понятием.

В аспекте государственной власти кластеры представляют более «удобные» объекты контроля, чем множество разрозненных производителей товаров и услуг. Подобное агрегирование, делающее кластер более уязвимым к действиям правительства, создает возможность легкого уничтожения или

¹¹ Подробно этот подход к определению сущности социального капитала получил развитие в монографии «Методологическая концепция анализа социально-экономических систем» [32]

поглощения целых отраслей или региональных производственных систем. Кстати, в отчете Мирового банка [1] идея централизованного контроля со стороны правительства процессов формирования, функционирования и развития кластеров декларируется вполне открыто.

Выводы

Очевидная взаимосвязь экономических и социальных аспектов кластеризации приводит нас к логичному выводу, что одним из ключевых институциональных факторов эффективной кластеризации является социальный капитал, динамика которого непосредственно связана с уровнем социальной ответственности власти и бизнеса [32]. Таким образом, кластерные инициативы и кластерные стратегии следует рассматривать не только через призму ожидаемых экономических результатов, но в не меньшей степени в аспекте власти и социальной ответственности.

Проведенное исследование приводит к выводу, что кластерные стратегии и кластерные инициативы должны иметь, в первую очередь, социальную ориентацию, т.е. ориентацию на развитие человеческого потенциала и прирост социального капитала общества; в противном случае инновационный потенциал кластера будет недостаточным для обеспечения необходимого уровня его конкурентоспособности. Последнее доказывают модели, приведенные в данном исследовании.

Далее, формализация института социальной ответственности и нормативное определение механизма социального контроля должно предварять кластерные инициативы. Обратный порядок их следования является столь же бессмысленным, как телега, стоящая впереди лошади. Это обусловлено тем, что сами по себе кластерные образования, являющиеся предпринимательскими по

своим целям, функциям и составу субъектов, не обладают встроенными механизмами социальной ответственности ввиду ориентации на получение частной прибыли, а не на общественное благо. Декларативные принципы социальной ответственности, заложенные в SA 8000 и ISO 26000, не гарантируют общество от таких возможных следствий кластеризации, как рост имущественной стратификации, социальной напряженности, снижения уровня развития человеческого потенциала и деградации социального капитала. Последнее неизбежно отразится на развитии кластеров в сторону снижения их инновационного потенциала и конкурентоспособности.

Источники:

1. Clusters for competitiveness: A Practical Guide & Policy Implications for Developing Cluster Initiatives (2009), World Bank, — http://siteresources.worldbank.org/INTEXPCOMNET/Resources/cluster_initiative_public_web_ver.pdf.

2. Promoting Competitiveness in Practice: An Assessment of Cluster-Based Approaches (2003), The U.S. Agency for International Development, Washington. — <http://www.bdsknowledge.org/dyn/bds/docs/254/USAID-Mitchell-Clusters.pdf>.

3. Филиппова І.Г. Нові аспекти ефективності економічних процесів / І.Г. Филиппова // Вісник СНУ ім. В. Даля. — № 7 (196). — Частина 2. — Луганськ, 2013. — С. 219–224.

4. Ron Martin & Peter Sunley (2002), Deconstructing Clusters: Chaotic Concept or Policy Panacea? / Journal of Economic Geography, 3,1. — <http://www.andrew.cmu.edu/user/jp87/URED/readings/martinsunley.pdf>

5. Industrial Clusters and Poverty Reduction. Towards a methodology for poverty and social impact assessment of cluster development initiatives (2004), United Nations Industrial Development Organization. — http://www.unido.org/fileadmin/import/24733_Clustersandpoverty.pdf.

6. Freedman, M. L. (2008). Industry clusters affect job mobility and earnings growth (Impact Brief #31). Ithaca, NY: ILR School, Cornell University. <http://digitalcommons.ilr.cornell.edu/briefs/46>.

7. Marshall, A. (1875), 'Some Features of American Industry,' In The Early Economic Writings of Alfred Marshall 1867–1890. Volume II. edited by J.K. Whitaker, London: The Macmillan Press LTD, pp. 355–377.

8. Marshall, A. (1878), 'The Economic Condition of America,' In Collected Essays of Alfred Marshall, Vol.1, edited by P. Groenewegen, Overstone / Kyokuto. pp. 61–67.

9. Occupational mobility in Europe. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2007, 41 p.

10. Enright, M.J. (2001), Regional clusters: What we know and what we should know / Paper prepared for the Kiel Institute International Workshop on Innovation Clusters and International Competition 12-13 November 2001. — http://www.tci-network.org/media/asset_publics/resources/000/000/486/original/Enright-TCI-Presentation-2004.pdf

11. Dawson, J., 1992, "The Relevance of the Flexible Specialisation Paradigm for Small Scale Industrial Restructuring in Ghana", IDS Bulletin, vol. 23, no. 3, 34–38.

12. McCormick, D., 1999, "African Enterprise Clusters and Industrialisation: Theory and Reality", World Development, vol. 27, no. 9, 1531–1552.

13. Regional clusters in Europe / Observatory of European SMEs 2002, No. 3, http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/innovation/pdf/library/regional_clusters.pdf. — Дата доступа: 15.12.13. — Название с экрана.

14. World Development Indicators / The World Bank. — Режим доступа: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>. — Название с экрана. — Дата доступа: 20.12.13.

15. Bogdan Glavan (2007), 'Coordination Failures, Cluster Theory and Entrepreneurship: A Critical View', MPRA Paper No. 6033, <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/6033/>.

16. Malmberg, A., Ö. Sölvell & I. Zander (1996), 'Spatial clustering, local accumulation of knowledge and firm competitiveness', *Geografiska annaler*, 78 B(2): 85–97.

17. Enright, Michael J. (2002) "Regional clusters: What we know and what we should know"; (2001) 'Regional clusters: What we know and what we should know' Paper prepared for the Kiel Institute International Workshop on Innovation Clusters and International Competition; (2000) 'The globalization of Competition and the Localization of Competitive Advantage: Policies towards Regional Clustering', In Hood, N. and S. Young (Eds.), *Globalization of Multinational Enterprise Activity and Economic Development*. Macmillan, London.

18. Ицковиц, Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Генри Ицковиц ; пер. с англ., ред. А.Ф. Уварова. — Томск : Изд-во Томск, гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. — 238 с.

19. Henry Etzkowitz & Loet Leydesdorff, (2000) The dynamics of innovation: from National Systems and "Mode 2" to a Triple Helix of university–industry–government relations, *Research Policy*, vol 29, pp. 109–123.

20. The Legatum Institute, The Legatum Prosperity Index, 2013. — <http://www.prosperity.com/#/>. — Дата доступа: 11.12.13. — Название с экрана.

21. Inequality-adjusted Human Development Index (IHDI) / UNDP, 2013. — <http://hdr.undp.org/en/statistics/ihdi>. — Дата доступа: 25.12.13. — Название с экрана.

22. Human Development Report, UNDP, 2013. — <http://hdr.undp.org/en/2013-report>. — Дата доступа: 25.12.13. — Название с экрана.

23. The Rule of Law Index / The World Justice Project. — <http://www.worldjusticeproject.org/rule-of-law-index>. — Дата доступа: 25.12.13. — Название с экрана.

24. Филиппова І.Г. Концепція оцінки соціальної відповідальності бізнесу / І.Г. Филиппова, В.Г. Сумцов // Вісник СНУ ім. В. Даля. — № 2 (173). — Луганськ, 2012. — С. 155–163. — Online at https://mpira.ub.uni-muenchen.de/secure/47490/1/MPRA_paper_47490.pdf

25. Филиппова І.Г. Деонтологія соціальної відповідальності і механізм соціального контролю / І.Г. Филиппова, В.Г. Сумцов // Формування ринкової економіки. — спец.вип. «Праця в .XXI столітті: новітні тенденції, соціальний вимір, інноваційний розвиток». — Т. 2. — К.: КНЕУ, 2012. — С. 524–533.— Online at <http://mpira.ub.uni-muenchen.de/47500/>

26. Сумцов В.Г. Соціальна відповідальність держави в контексті ринкових відносин / В.Г. Сумцов, І.Г. Филиппова // Формування ринкової економіки. — спец.вип. «Праця в .XXI столітті: новітні тенденції, соціальний вимір, інноваційний розвиток». — Т. 2. — К.: КНЕУ, 2012. — С. 452–459. — Online at <http://mpira.ub.uni-muenchen.de/48980/>

27. The World Economic Forum, Global Competitiveness Report 2012–2013. — <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2012-2013/>. — Дата доступа: 11.12.13. — Название с экрана.

28. KOF Swiss Economic Institute, KOF Index of Globalization 2013. — <http://globalization.kof.ethz.ch/>. — Дата доступа: 11.12.13. — Название с экрана.

29. F. Sforzi (1989), "The Geography of Industrial Districts in Italy", in E. Goodman and J. Bamford, with P. Saynor, eds., Small Firms and Industrial Districts in Italy, London, Routledge, pp. 153–173.

30. F. Sforzi (2002), "The Industrial District and the 'New' Italian Economic Geography", *European Planning Studies*, Vol. 10, No. 4, pp. 439–447. — <http://time.dufe.edu.cn/wencong/clusterstudy/n3edc33459d7c3.pdf>.

31. Becattini, G. (1978), 'The Development of Light Industry in Tuscany: an Interpretation', *Economic Notes*, N. 2–3, pp.107–123.

32. Филиппова И.Г. Методологическая концепция анализа социально-экономических систем : монография / И.Г. Филиппова. — Луганск: изд. ВНУ им. В. Даля, 2012. — 264 с. — Online at http://mpra.ub.uni-muenchen.de/46767/1/MPRA_paper_46767.pdf

33. Филиппова И.Г. Коррупция, демократия и регуляторная эффективность государства / И.Г. Филиппова // Проблемы экономики. — № 2. — Харьков, 2013. — С. 102–107. — Online at http://mpra.ub.uni-muenchen.de/49951/1/MPRA_paper_49951.pdf

34. Örjan Sölvell (2009), *Clusters – Balancing Evolutionary and constructive Forces.*—http://clustercollaboration.eu/documents/10147/23229/clusters_balancing+evolutionary+and+constructive+forces.pdf; Ketels, Christian, Göran Lindqvist and Örjan Sölvell, (2005) "Cluster Initiatives in Developing and Transition Economies.", <http://cluster-research.org/devtra.htm>; Mitchell Group (2003), 'Promoting Competitiveness in Practice: An Assessment of Cluster-Based Approaches', <http://www.bdsknowledge.org/dyn/bds/docs/254/USAID-Mitchell-Clusters.pdf>.